

«Разве так будет не слишком хорошо?» — с некоторой запинкой произнесла Глория.

Как бы она ни отрицала, но когда этот господин эльф сделал своё предложение, в душе у неё всё же было радостное чувство.

Она ненавидела несдержанность Аделы и Ванессы и очень хотела, чтобы те получили урок, но не смела возражать и ругаться, потому что за ними стояла мачеха, а отец тоже не принял бы её сторону.

Ей оставалось только терпеть, без конца терпеть.

«Что же тут нехорошего?» — спросил тот неторопливый голос.

Глория задумалась, но ей было трудно сказать, что именно тут нехорошо: «...Вас ведь могут раскрыть?»

«За меня волнуешься?» — тон слегка приподнялся.

Глория тихо кивнула. Ведь он друг господина эльфа и тоже защищает её: «Да».

«Тогда иди сама», — без малейшего колебания сказал он.

Глория замаялась: «Тогда отец будет меня отчитывать».

«Разве он и так тебя не отчитывает?» — голос прозвучал небрежно.

Глория опешила: «Откуда вы знаете?!»

«Потому что у тебя всё на лице написано». — Эмод оперся о дерево, скрестив руки, и, слегка склонив голову, посмотрел в сторону.

Бранд собирается осуществить свой план. При характере Азада поначалу непременно будет вымещать злость на других. Он ведь не станет размышлять, в чём же он обошёл Глорию. В его представлении: он даёт еду и одежду, значит, этот человек обязан во всём ему подчиняться, не смея ни на что роптать и не имея собственных мыслей.

Но в детской натуре есть то, что не терпит оков правил, потому что ребёнок знает, что доставляет ему удовольствие, а что — нет, что разумно, а что — несправедливый гнёт.

Те зашифрованные слова во сне, конечно, заставят Азада почувствовать, что его авторитету брошен вызов. То же самое — и с безмолвным сопротивлением Глории.

Её слёзы тоже безмолвны: это не гнев на ругань, а боль и бессильное желание выпустить наружу обиду и горечь, скопившиеся в сердце.

Эмод задумался, взглянул ещё раз на выражение девочки и прикинул: неужели и он когда-то так же выставлял все свои чувства на лице, отчего Бранд, этот малый, с первого взгляда его насквозь видел?

Но теперь тот малый тоже с первого взгляда читает многие его мысли.

Эмод чуть шевельнул пальцами, размышляя, как бы скрыть свои чувства. Может, стоит потренироваться перед зеркалом, стать загадочнее, чтобы Бранд не мог его раскусить.

Но веки его слегка опустились, и он снова подумал, что это хлопотно. Разгадает или нет — перед Брандом всё равно неважно.

«Он меня не отчитывал», — в словах девочки слышался лёгкий вздох. Она была как раз в том возрасте, когда проще всего радоваться, но вздох её, казалось, уже нёс взрослую безысходность. «Он просто утром, уходя, посмотрел на меня с отвращением».

«И ты хочешь это исправить?» — Эмод мог понять её чувства к отцу.

Потому что даже в его детстве отец не раз бивал его за шалости. Тогда было обидно и горько, но стоило тому моменту миновать — и снова чувствуешь близость.

Конечно, та близость строилась на том, что отец относился к нему хорошо. Он хоть и был молчалив, но ловил для него маленьких моржей, чтобы тот играл, искал его повсюду, когда он заплывал слишком далеко, учил охотиться, не жалея сил приносил им любимую еду.

Такие чувства трудно отсечь. Хотя это и маловероятно, но если бы однажды отец посмотрел на него с отвращением, ему тоже непременно было бы очень больно.

Хотя он считал Азада никуда не годным, в глазах Глории прежний отец, возможно, всё же сходил за достойного. Мать давала безграничную заботу и уход, отец дарил хоть и немного любви, но когда любви достаточно, не так-то легко заметить её недостаток. Ему довольно было приложить хоть немного старания — и он получал от Глории обожание и любовь.

А когда её мать умерла, эта недостаточность старания обнажилась, и ей показалось, что всё изменилось. На самом деле ничего не изменилось.

«Разве это ещё можно исправить?» — с лёгкой надеждой в душе спросила Глория, хотя там уже было столько горечи, что при одном воспоминании хотелось плакать.

«Можно. Нужно лишь не доставлять ему никаких хлопот, каждый день сохранять красивый и опрятный вид, в минуты, когда он раздражён, как понимающая дочь справиться о его делах, помочь решить его проблемы, уметь придать ему блеску в глазах чужих людей — и тогда он будет любить тебя, как прежде», — с лёгкой усмешкой в горле сказал Эмод.

Говорил он очень легко и небрежно. Глории на первый слух показалось, что это просто, но на самом деле это было трудно. У неё не было таких сил. Той, кто мог справиться о его делах, когда он раздражён, была Грейс.

«Я...» — тихо вздохнула Глория. На самом деле она тоже не хотела раздражать отца, но само её существование, казалось, уже сильно его раздражало.

«Ты хочешь это делать, но у тебя нет достаточных душевных сил, — небрежный голос одной фразой вскрыл её положение. — Потому что он не дал тебе достаточно любви, и тебе трудно отвечать тем же. Это не твоя вина. В ваших отношениях ребёнок — как раз он».

Глория была потрясена такими словами, но не могла возразить.

«Если только ты не сможешь ежеминутно заботиться о его настроении, ваши отношения будут очень трудно исправить», — сказал он напрямик.

Пальцы Глории крепко сжались. То, что она никак не могла понять, кажется, наконец обрело ответ.

Только прежний господин эльф всегда направлял её мысли, он всегда был мягок, как тихий слушатель, и делал её душу крепче. А нынешний господин эльф скорее похож на исследователя: он прямо выворачивает всё на свет, раскладывает перед ней.

Правда жестока. И жестока она не из-за господина эльфа — она жестока сама по себе. Глории придётся учиться принимать реальность.

«Тогда как же мне быть?» — сердце Глории словно немного отпустило под этим ударом.

Её отец — как ребёнок. Это словно слегка сотёрло образ его величия.

А она — как птица в клетке: за красивые перья и приятный голос ей дали красивую клетку, достаточно воды и зерна. Хозяин, когда доволен, позабавится с ней, когда недоволен — отбросит в сторону и даже пригрозит лишить воды и зерна, чтобы заставить повиноваться.

Глория не хотела так думать, но как ни старалась сдерживать сердце, разум беспрестанно проводил сравнение — и выходило, что разницы и впрямь почти нет.

Её мир мал, потому что её держат в клетке. А внешний мир огромен — настолько, что далеко превосходит ту клетку.

Вот о чём когда-то говорил ей господин эльф.

Если бы она могла вылететь и сама добывать себе пропитание, если бы могла вырваться из этой темницы, ей не пришлось бы больше терпеть такие угрозы.

«Всё равно, что ни делай, тебя будут отчитывать. Так почему уступать им и зря терпеть убыток?» — прикрыв глаза, сказал Эмод.

Грейс и её две дочери могли казаться Глории ужасными, но, по его мнению, они и сами были в шатком положении. Иначе они бы просто выгнали Глорию из дома, а не давили бы её шаг за шагом таким мягким ножом.

Конечно, такой метод не очень подходил до того, как Бранд осуществил тот сон: ведь в этом ещё путалась хитрая Грейс, а взрослая ложь всегда куда изощрённее детской и умеет искажать факты.

Но и у неё бывали минуты страха — как в тот раз, когда она нарочно поранила двух своих дочерей. По мысли Эмода, раз уж поранила и всё равно получишь выговор, то вместо того чтобы терпеть обиду, лучше уж по-настоящему их поколотить — так хоть на душе станет легче.

В том доме они казались страшными, но во всей столице королевства Рора было слишком много тех, кого они не смели оскорбить. Те, кто способен лишь обижать маленькую девочку, по мнению Эмода, вообще не заслуживали того, чтобы Бранд вмешивался.

Впрочем, его вмешательство было не ради них, а ради Глории.

Ей самой нужно стать сильной, чтобы, выйдя из этого дома и столкнувшись с куда более тяжёлыми людьми, не робеть.

Те, снаружи, куда хитрее, чем Грейс с дочерьми.

Глория моргнула: «Но они пожалуются отцу».

«И что с того? Ты можешь ясно и понятно всё рассказать. Поверит он или нет — Грейс и её дочери всё равно будут опасаться. А твой отец может лишь отчитать тебя. Может, он поступит совсем неразумно и запретит тебе есть. Но тот эльф уже занялся делами твоего отца. Разве тебе не любопытно посмотреть, что твой отец сотворит в ярости?» — с приподнятыми уголками губ спросил Эмод.

Если бы Бранд не осуществил тот сон, Глории, чтобы и дальше жить спокойно, действительно пришлось бы прибегать ко множеству уловок и умению терпеть, исподволь выстраивая своё будущее. Пока она не станет самостоятельной, лучше всего ей не противостоять отцу.

Как ни горько, но в вопросе выживания это была стоящая перед ней реальность.

Пока нет сил — понять всё и стерпеть было лучшим выходом.

Но такой путь на самом деле сильно изматывает душу. Птица, запертая в клетке и постоянно дрессируемая, легко теряет сердце и силы, что рвутся к небу.

Глория на миг струсила и сжалась: «Но когда он злится, это очень страшно».

«Он всего лишь стучит по столу, пинает табуретку, повышает голос, выражая гнев, — зевнул Эмод. — А если он посмеет тебя ударить, я тоже могу его поколотить, чтобы выпустить пар за тебя».

Глория сжалась ещё сильнее. В её глазах отец был очень высоким и сильным: одной ладонью мог так ударить по столу, что тот весь содрогался, и легко мог поднять её на воздух: «Вы не боитесь, что он вас ударит?»

Голос издал короткий смешок, словно вопрос показался ему забавным: «Если я захочу его поколотить, у него не будет никаких сил дать сдачи».

«О...» — Глория моргнула.

«М? Ты что, думаешь, я хвастаюсь?» — тон слегка приподнялся.

«Нет-нет!» — девочка затрясла головой, как погремушка.

Хотя он вроде бы тоже угрожал, Глория почему-то совсем не чувствовала страха. Напротив, ей казалось, что этот эльф и сам очень похож на ребёнка.

«Так что не бойся. Пока он тебя не ударил и не наказал телесно, все эти отповеди — как бумажный тигр, — сказал Эмод. — Если ты будешь воспринимать его как ребёнка, который кричит, для тебя это не будет значить ровным счётом ничего».

«Что такое бумажный тигр?» — спросила девочка.

«Это тигр, сложенный из бумаги». — Эмод приподнял бровь и дал объяснение, которое когда-то поведал ему Бранд.

«А что такое тигр?» — Глория была сильно озадачена.

«Ты даже не знаешь, что такое тигр?» — русал с лёгким шипением задумался. «Ты кошку видела?»

«Видела», — уверенно кивнула Глория. Она видела то пушистое создание с мягким голосом.

Правда, говорят, их когда-то называли воплощением ведьм, а лет, как говорят, несколько назад женщин, связанных с ведьмами, без колебаний предавали удушению.

Хотя Глория не понимала, почему обладание таким милым созданием могло связываться с ведьмами, она действительно из-за этого держалась от них подальше. Лишь недавно снова пошли слухи, что даже при дворе их держат как домашних любимцев.

Это достаточно говорило об их миловидности.

«Тигр — это кошка, увеличенная до размеров больше твоего отца», — попытался провести аналогию Эмод.

«О!» — девочка словно прозрела и издала возглас изумления. «Неужели бывают такие огромные кошки?»

«Да. Тебя они схватят так же легко, как кошка мышь», — с приподнятыми уголками губ сказал Эмод и ясно увидел, как в глазах девочки исчезли восторг и желание потрогать. «Их называют царями джунглей. Они очень свирепы».

Глория видела, как кошки ловят мышей. Это всегда было так легко: поймает — и может отпустить, чтобы ещё немного поиграть. А тигр может схватить её, как мышь?

Глория совсем не хотела представлять себе такую картину — от этого ей становилось не по себе уже сейчас.

«Бумажный тигр — сделан из бумаги, на вид свирепый, а на деле развалится от одного хлопка, — сказал Эмод. — Если ты не будешь принимать те отповеди близко к сердцу, они не смогут тебя ранить».

Мысли Глории вернулись назад. Она подумала, что если не думать о тех словах, а лишь представить, каким бывает отец в гневе, — и обнаружила, что это, кажется, действительно работает: «Я могу попробовать».

«Конечно. Те слова будут причинять тебе неудобство — что стоит запомнить, то запоминай, — взгляд Эмода слегка дрогнул. — Когда в будущем он чего-то от тебя потребует, перечитывай их

время от времени. Не смягчайся».

«Отомстить?» — обобщила Глория.

Голос тихо усмехнулся, словно в похвалу: «Разве это можно назвать местью? Просто как он с тобой — так и ты с ним. Это называется справедливостью».

Душа Глории содрогалась. Она не была готова обращаться с отцом так, как он обращался с ней. Но её отец был готов. Так чего же ей не хватает решимости?

Впрочем, это, наверное, дело очень далёкого будущего, и кто знает, что ещё случится: «Я постараюсь это делать. Но запереть двух сестёр на чердаке я не могу».

«Почему?» — небрежно спросил тот голос, но без всякого осуждения.

Даже если его слова казались немного прямолинейными, Глории очень хотелось с ним разговаривать: «Потому что господин эльф говорил: нельзя убить врага ценой собственной потери».

«Он говорил, что нельзя самому первым идти на такое. Но та сторона уже начала вредить тебе, и раз уж отповеди всё равно неизбежны, нет нужды зря терпеть убыток, — с приподнятыми уголками губ сказал Эмод. — К тому же я учу тебя не драться с ними и не пускать в ход кулаки. Никакого самоущерба тут нет».

«Я...» — Глория всё ещё колебалась. Внутри неё решение всё ещё не обрело твёрдости.

«Если не хочешь, можешь не делать». — Эмод не настаивал.

Заставить доброго ребёнка, которого постоянно обижают, дать отпор — это не то, что делается в один миг.

Принуждение тоже будет мучить её душу. Когда она сама больше не сможет терпеть, она либо даст отпор, либо... погибнет.

Бранд говорил: не стоит слишком вмешиваться в решения других людей. Решение, принятое под давлением, с большой вероятностью вызовет обиду. Даже если ты помог, это не обязательно её перевесит.

Для такого маленького ребёнка это звучит немного холодно, но Эмод был с этим согласен — как и с Кароль.

Что ей выбрать — пусть решает сама. Другие могут помочь на время, но никогда не смогут пройти за неё весь дальнейший путь.

В душе Глории немного отпустило, но тут же снова стало тревожно. Она ненавидела Аделу и Ванессу, но при этом думала, что они ещё маленькие и такими их сделало воспитание мачехи. Запереть их на чердаке, может, и принесло бы облегчение, но ведь они тоже дети, потерявшие отца, и им, наверное, было бы страшно. А ей не хотелось так всё оставлять.

«Кстати, Б... господин эльф просил меня принести тебе две книги с историями. Они там, в траве слева от тебя, придавлены камнем», — сменил тему Эмод.

«М?» — Глория повернула голову к траве слева от себя, что была чуть выше, поднялась с земли и пошла туда. Там она действительно увидела две книги с историями, придавленные камнем.

Они выглядели совсем новыми и аккуратными. Глория бережно смахнула с них упавшие травинки и улыбнулась: «Спасибо господину эльфу... Но я забыла принести свои. Можете подождать здесь немного? Я схожу за ними».

«Не нужно. Давай завтра. Если ты будешь ходить туда-обратно дважды в день, это слишком бросится в глаза, и они начнут подозревать», — глядя на немного виноватую девочку, сказал Эмод.

«Спасибо вам». — Глория тихо выдохнула, обнимая две новые книги — и радостно, и с запинкой.

«Если нравятся, можешь вернуться и почитать», — Эмод видел её нетерпение и то, как она не знает, как с ним держаться.

Детские мысли всегда легко угадать — стоит лишь захотеть обратить на них внимание.

«Тогда я пойду», — сказала Глория, обнимая книги. «Спасибо вам, господин эльф. До свидания».

«До свидания», — ответил он очень кратко и по делу.

Глория сделала несколько шагов с книгами в руках, потом с запинкой остановилась на месте и пояснила: «Я вовсе не считаю, что ваша затея плоха».

«М?» — голос, уже было попрощавшийся, слегка приподнялся с ноткой смеха. «Ты думаешь, я сержусь?»

«Вы не сердитесь?» — Глория не хотела портить ему настроение, ведь она знала, что этот

господин эльф тоже помогает ей.

«Нет. Я лишь предлагаю, а ты можешь сделать свой выбор, — в горле его прозвучал лёгкий смех. — Такие вещи ещё не способны меня разозлить. Или ты думаешь, что я мелочный эльф?»

«Нет-нет! Вы очень великодушны!» — голова Глории мгновенно затряслась, как погремушка, но поднявшееся было сердце отпустило.

«До свидания», — он, казалось, лениво зевнул.

«До свидания». — Попрощавшись, Глория ушла, и её прежде нерешительные шаги стали радостными.

Ей казалось, что этот господин эльф и правда очень похож на ребёнка — но на очень милого ребёнка.

Девочка уходила вприпрыжку. Эмод, глядя ей вслед, тоже перешагнул через изгородь за деревом и пошёл обратной дорогой.

Зелёные глаза отражали пятна света среди теней деревьев, красивые алые губы слегка приподнялись.

Он так безупречно выполнил задание — надо потребовать у Бранда награду.

...

Радость Глории держалась лишь до тех пор, пока она не увидела входную дверь дома. Когда-то это было самое любимое и самое безопасное место, а теперь при одном взгляде на него становилось тяжело на душе.

Раньше Глория не понимала почему, теперь же смутно начала понимать: это не похоже на дом. Это похоже на клетку, в которой ей, чтобы выжить, приходится оставаться и терпеть все издевательства.

Она глубоко вздохнула, размышляя, и, свернув перед главным входом, согнулась и спрятала две книги с историями в короткие сапожки под подолом платья. Лишь после этого она подошла, открыла дверь и — не удивившись — увидела в гостиной мать с дочерьми, сидевших вместе в радости.

Все они были в красивых платьях, с красивыми украшениями, ели свежеприготовленные пирожные. Адела и Ванесса хоть и о чём-то спорили, но всё же были родными сёстрами и выглядели очень дружно.

Появление Глории было как камень, брошенный в воду: оно словно разрушило эту мирную картину, и они прекратили свои занятия и посмотрели на неё.

Прирождённый страх был словно остаточный инстинкт тела. Глория сжала пальцы и изо всех сил сказала себе, что они бумажные тигры, что они не смеют ничего ей сделать, — и лишь тогда кое-как выдохнула.

Но не успела она поздороваться, как уже прозвучал голос Ванессы: «О, принцесса опять откуда-то притащила целую кучу земли. Прислуге-то придётся попотеть».

«Разве принцесса станет об этом думать? Может, она это нарочно», — съязвила Адела.

«Всё время так — лучше уж спать в золе», — подняв подбородок, сказала Ванесса, глядя на неё.

В такие минуты они всегда были особенно единодушны.

А то, что такие слова срывались с языка, непременно означало, что в мыслях они повторялись несчётное число раз.

Каждое их движение и каждое слово заставляли Глорию чувствовать, что её прежние сомнения были глупы. На самом деле господин эльф должен был сердиться, потому что она проявила мягкость к злым.

Мягкость и потакание им — это жестокость к самой себе.

«Мама», — почтительно поклонилась Глория смотревшей на неё Грейс. «Простите, я испачкала платье. Пойду наверх привести себя в порядок».

Она не любила ругань и не хотела бить Аделу и Ванессу в их больное место — потерю отца, потому что те же слова словно могли быть обращены и к ней самой.

К тому же, когда она и к отцу, казалось, уже не питала прежних чувств, эти слова уже не могли её ранить.

«Иди», — Грейс, глядя на Глорию с немного спокойным выражением, слегка нахмурилась.

«О, принцесса и правда нежная барышня», — съязвила Ванесса.

«У кого-то ведь много платьев. А ты в прошлый раз говорила, что подаришь мне две заколки, — ещё в силе?» — громко сказала Адела.

«Конечно, в силе». — Глория, ступившая было на ступеньку, остановилась и посмотрела на продолжавших подначивать Аделу и Ванессу. «После обеда можно? Сейчас я хочу немного побыть одна».

«Эй, не думай нас посорить!» — Ванесса сделала завистливое лицо, но среагировала быстро. «Адела, не попадайся на её удочку».

«Ванесса, ты тоже можешь выбрать две. Но сейчас, пожалуйста, помолчите. Я хочу немного побыть одна, иначе сказанное перестанет быть в силе», — переводя взгляд на них, сказала Глория.

Слова Ванессы застряли. Из-за заколок она на миг не знала, как реагировать.

Они так и стояли, тупо глядя, как фигура Глории исчезает на лестнице. Первой опомнилась Адела и тихо выругалась: «Строит из себя принцессу. Как будто кому-то нужны её заколки!»

«Точно!» — поддакнула Ванесса.

Они бранились, но не заметили, как посерьёзнело лицо Грейс. Она чувствовала, что что-то не так, но никак не могла понять, что именно.

Однако отношение Глории к ругани — это уж точно не то, что было бы у ребёнка, который при любой обиде трусливо плачет.

<http://bllate.org/book/18299/2272799>